Годы тревог и надежд

Разилю Валееву – 75

С НАРОДНЫМ поэтом Татарстана, лауреатом Государственной премии РТ им. Г. Тукая и Республиканской премии им. М. Джалиля, видным общественным деятелем ***Разилем Валеевым*** *встретилась обозреватель «Татар-информа»* ***Рузиля Мухаметова****. Разговор неожиданно начался с обсуждения премьеры Камаловского театра.*

«ТВОЙ МАТЕРИАЛ о спектакле ‘‘Сәфәр’’ (‘‘Путешествие’’, по пьесе Альберта Шакирова. – *Ред.*) читал. Но у меня позиция немного другая, – начал Разиль Исмагилович. – Отнеслась к постановке ты весьма снисходительно. Там ведь более-менее образованный герой ‘‘перевоплощается’’, забывая о своих корнях, начинает искать башкирские. А всякие невежды в пьесе, отвернувшиеся от религии, – это всё жители татарской деревни. Можно сделать вывод, что вот они и есть настоящие татары – несчастные, жалкие. Мало того, татарская деревня называется *Черкиле* (слово ‘‘черки’’ в переводе с татарского – ‘‘комар’’. – *Ред.*), а башкирская – *Актау* (дословно – *Белая гора*). Чувствуешь разницу?»

– Разиль-абый, все вы, творческие люди, так живо и остро между собой разговариваете, а в публикациях этого не видно и не слышно.

– Свои претензии я высказывал ещё во время просмотра спектакля. Сказал: «Если пьесы Наки Исанбета, Туфана Миннуллина и других наших классиков – это настоящие произведения искусства, то данный спектакль – простая газетная статья». В спектакле татарин, бедный Сафаргали, с поклоном едет к оторвавшемуся от своих корней «образованному старшему брату». Скажем, если бы и тот, осознав, наконец, родство с Сафаргали, выехал навстречу, и они встретились бы где-нибудь посередине пути – другое дело. Можно было бы, например, устроить автокатастрофу, и чтобы они оба выжили. После этого они садятся на обочине и, обнявшись, объясняются, мирятся.

Но, с другой стороны, ты права – нельзя обрубать крылья автору пьесы. Альберт, безусловно, парень способный… Вот первую пьесу Туфана Миннуллина, хоть она и была на уровне пробной работы, поставили же в Мензелинском театре. Режиссёр Сабир Амутбаев сказал тогда молодому автору: «Эта пьеса твоя – слабенькая». Но всё равно поставил – учёл, что это дебютная работа.

– Но от «Путешествия» татарам хуже ведь, наверное, не стало?

– Если подумать, и на пользу этот спектакль не пошёл.

– Но от вашей критики, скажем прямо, зрителям ни жарко, ни холодно. Люди четыре дня подряд дружно ходили на премьеру.

– Что-то изменить там, конечно, уже поздно. Я вот смотрю авторскую программу Альберта Шакирова «Юлчы» («Путник») на ТНВ и скажу: очень нужная программа, более нужная и действенная, чем упомянутый спектакль. Он также автор сценария телевизионного сериала «Бер-бер хәл» («Таково самочувствие»). Около десяти серий я просмотрел до выхода на экраны. Однако дальше мне уже перестали давать их на просмотр и критический анализ. Видимо, не понравились мои мысли и предложения.

Мне нравится, что Альберт берётся за сложные темы. Поэт Гарай Рахим любил шутить: «Несмотря на некоторые недостатки, доклад был плохим».

– Хочется продолжить нашу беседу актуальной темой – перепись. Какой ваш прогноз – нас станет меньше?

– Я думаю, цифра останется примерно такой же. Но тут надо заметить, и это не один я так думаю: при подсчёте татарского населения всегда допускаются ошибки. В России полученные посредством переписи цифры не отображают действительности, а в других странах – подавно. Кто там татар будет считать?! Я подметил: только из одной нашей деревни, например, более десятка мужчин работало на шахтах Донбасса. Буквально из каждой деревни в Татарстане люди уезжали на заработки. Во времена СССР татарских деревень всего насчитывалось около 10 тысяч. А сейчас, говоря о татарах на Украине, приводят цифру в 30–40 тысяч. Я думаю, татар там гораздо больше, если не миллион, то 500 тысяч точно. Поэтому я ещё в те времена не слишком доверял цифрам переписи.

Данные искажаются, во многом и по вине переписчиков. Надеемся, что онлайн-перепись поможет получить достоверные цифры. А кто потом будет собирать их? Кто контролирует этот процесс? У нас обычно критикуют выборы, что они не такие честные, а тут вообще никакого наблюдения нет – можно записывать как угодно, и данные получить в итоге какие угодно. Я сомневаюсь, что будет объективный результат, особенно при подсчёте численности народов различных национальностей.

На сессии Верховного Совета Татарстана: Ф. Сафиуллин, Р. Валеев, М. Мулюков, А. Васильев, Ф. Байрамова. 1991

– Прошлые мероприятия по переписи населения проходили в годы, когда вы были депутатом. Кстати, депутатский период у вас весьма значителен. Как вы начинали?

– В 1990 году я стал депутатом Верховного Совета РТ. О выборах в стране у меня было своё сложившееся мнение. Я видел, как они у нас проходят ещё с советских времён. А когда в 90-х сам был избран депутатом, когда в депутаты прошли Фаузия Байрамова, Марат Мулюков, Фандас Сафиуллин и другие, то я удивился: «Неужели такое может быть?» Если честно, не верил, что пройду в депутаты.

В то время было движение «Народный фронт» – вот его представители в момент, когда я был в командировке, пришли в Национальную библиотеку, где я был директором, собрали коллектив и провели надлежащую работу. Тогда это ещё была не Национальная, а Республиканская научная библиотека имени Владимира Ильича Ленина. «Проблем у вас через край, – сказали они, – того не хватает, этого вообще нет, книги в подвалах гниют, давайте из вашего директора сделаем депутата, таким образом и поможем библиотеке». И коллектив выдвинул мою кандидатуру. После этого из отдела пропаганды Вахитовского района пришёл представитель и требовал, чтобы я отказался: «Вы не должны туда идти, на это место уже определён человек, он и будет помогать библиотеке».

Я сказал: «Я же не сам себя выдвигаю, а коллектив… Говорите с ними, если отзовут мою кандидатуру – против коллектива не пойду». Он обвинил нас в политической незрелости и ушёл, не попрощавшись. Потом меня вызвали в областной комитет КПСС – в организационный отдел обкома. Там уже пошли настоящие запугивания: мол, если не заберёшь кандидатуру, с должностью своей попрощаешься. Я говорю: «Я писатель, без работы не останусь, буду писать». А они продолжают давить: «Что ты выпендриваешься?!", а я им

опять: «Это предложение коллектива, объясняйтесь с ними». Нас было двенадцать кандидатов на одно место. Свершилось чудо, я прошёл.

Первые пять лет была по-настоящему кипучая парламентская работа, полная споров и дискуссий. Можно было заниматься депутатской работой в полном смысле слова: никто тебя не одёргивает, не просит показать текст выступления перед выходом на трибуну. В 30-летней моей депутатской работе это были, пожалуй, самые радостные и результативные годы.

А что касается переписи населения, конечно, это личное дело каждого, но даже при этом – важное государственное мероприятие, и к нему должно быть серьёзное отношение. Необходим там подлинный народный контроль, чтобы исходные данные были объективны.

– Разиль Исмагилович, в своё время в парламенте было немало депутатов из творческой сферы. Туфан Абдуллович, Роберт Мугаллимович, работавшие с вами бок о бок, ушли рановато. Не считаете ли вы, что именно депутатская деятельность повлияла на их преждевременный уход?

– Об этом я часто думал, особенно о Туфане-ага. Сорок лет мы были вместе, рядом друг с другом – работали в одном комитете, я председатель, он – заместитель. Туфан-абый действительно принимал всё близко к сердцу. Время от времени говорил: «Может, уйти? Хватит, зачем мне это нужно?» Он ведь вспыльчив был. Но успокоившись, за чашкой чая уже говорил: «Нет, Разиль, нам эта трибуна нужна. Где ещё мы сможем высказываться так, чтобы люди нас услышали?! Конечно, можно и через произведения, но это же искусство, а нам надо напрямик, чтобы и Президент, и другие руководители нас слышали, потому что многие дела решаются на месте. Где ещё могу высказаться? – другой трибуны у меня нет».

Я ни разу не шёл в депутаты по партийному списку. Всегда избирался по одномандатным округам из своего родного Нижнекамского района, городов Зеленодольска и Казани – считал, что именно так надо.

В последние годы у Туфана Абдулловича случались сердечные приступы. В обед мы возвращаемся из столовой, и он говорит: «Ты иди пока, ставь чайник. А я немного отдышусь». В больницах лежал. Тут, конечно, невозможно строить предположения, однако если бы он не возлагал на себя столько эмоционального груза, переживаний, возможно, прожил бы дольше.

К Туфану Миннуллину приходило много людей, никому не отказывал – двери у него всегда были открыты. Он ведь принимал людей не просто как депутат, но и как писатель, пропуская их заботы и проблемы через собственное сердце. Как-то зашли к Минтимеру Шариповичу, сидим втроём, беседуем.

Рузиля Мухаметова – журналист, обозреватель «Татар-информа» по культуре. Обладатель Международной премии ТЮРКСОЙ, лауреат Республиканского конкурса в сфере журналистики и массмедиа «Хрустальное перо»

Минтимер Шарипович говорит ему: «Я тоже не последний человек, но ты всё-таки популярнее в народе. Чем же мы отличаемся?»

Туфан-абый отвечает ему: «Вы как президент думаете головой. У меня голова тоже есть на плечах, но я в первую очередь думаю сердцем – в этом наше отличие». И действительно, это был человек, который думал сердцем, потому-то его сердце и износилось так быстро. Ушёл он в семьдесят семь, но должен был ещё жить. Организм у него был крепкий, постоянно за собой следил…

– А у вас самого были какие-то рецепты, чтобы уберечься от стрессов в сложные моменты жизни?

– Трудных моментов было много, в таких случаях я люблю оставаться один, уединяться – выезжаю в лес, в поле или общаюсь с теми, кто мне близок – семья, родные, единомышленники. Принцип у меня такой: стараюсь не общаться с теми, кто не близок мне по духу.

– Депутатская работа – это ведь ещё и бесконечные заседания, бумаги… Не жалеете, что столько времени потратили на всё это?

– Да, довольно много времени они у меня отняли. Бывают заседания, которые решают судьбу народа, республики, людей, – такие собрания нужны, на таких сходах мы, не жалея эмоций, высказывались, спорили и добивались каких-то результатов. Но много и совершенно ненужных. Позже я уже начал привыкать к этому: во время таких формальных совещаний записывал мысли, которые приходили в голову. Старался всё переводить в творчество – даже с трибуны Госсовета выступал стихами. Сначала это депутатам казалось странным, потом привыкли.

«Может, надо было всё бросить…»

– Разиль-абый, наверное, будет неправильным, если не задам этот вопрос. Когда возникла ситуация с сокращением уроков татарского в школах*, вы были депутатом, и в ваш адрес звучали обвинения, что вы не защитили родной язык. Или же кто-то специально не хотел вас видеть именно в роли защитника татарского языка? Не переживаете, что в истории татар можете остаться в такой неоднозначной роли?*

– Не хочу ни оправдываться, ни что-то доказывать тем, кто относится ко мне недружелюбно. Правда, таких немного, но они есть и будут. Уж извините, например, и вас наверняка не все так сильно любят. Ваши статьи довольно жёстки, язвительны по языку... Туфан-ага про таких критиков говорил: «Ищут вши на плешивой голове».

Только мне, моим близким друзьям и единомышленникам ведомо, как я в депутатскую пору боролся за наш родной язык и сколько раз мне приходилось получать тумаки за это. Желающие могут по данному поводу обратиться к статьям, выступлениям Туфана Миннуллина, Фандаса Сафиуллина, Миркасыма Усманова и Индуса Тагирова. Кто как, но я им больше доверяю.

Ситуация с языком поднималась не только на той сессии. Вопрос о судьбе нашего языка я и сам многократно поднимал с парламентской трибуны. Этот вопрос не мог меня не волновать. Сибгат-ага Хаким говорил: «Знающие молчат, а говорят те, кто не знает». У нас больше высказываются те, кто не знает.

Люди, не имеющие представления, что я делал в качестве депутата, берут какую-то второстепенную деталь, и начинают её мусолить. Если эта деталь негативная и задевающая за живое, то её особенно жуют-пережёвывают.

Что касается событий 2017 года,

На трибуне Государственного Совета Татарстана. 2017

сессия по вопросу языка шла несколько дней. В первый день я выступил – если бы слушали, такие мысли не высказывали бы. Да, в первый день была очень жаркая, полная споров сессия. Мы эту сессию не закрыли, решили продолжить, поскольку не пришли ещё документы из Москвы.

На следующий день документы были получены, но их депутатам не показали – никто из нас не знал, о чём они. Началась сессия. Выступил прокурор – содержание документа он знал. До этого шесть-семь депутатов записались в секретариате на выступление – мы попросили слово после прокурора.

Однако председатель парламента сказал, что выступлений не будет – поэтому никто не смог выступить. Председатель жёстко стоял на своём. Тут я уже не знал, что делать. Сразу поставили на голосование. Там было записано: «Принять к сведению». То есть документ, который мы даже не видели, предложили «принять к сведению». Я был оскорблён тем, что не дали высказаться и в голосовании не участвовал. Все эти подробности я сейчас рассказываю впервые, до этого нигде не вспоминал.

– Но вы могли сложить мандат.

– Любой депутат мог это сделать. Но от этого ничего не изменилось бы.

– Конечно, не изменилось бы, но, возможно, отношение было бы немного другое. Ваше имя...

– Я за своё имя не переживаю. Никогда не стремился остаться в истории как депутат. Ни в одной анкете не называл себя депутатом, всегда поэтом. У меня полвека творческой биографии, совсем недавно вышел семитомник моих избранных произведений. У меня есть две сотни песен, которые люди любят и поют. Некоторые мои стихи наверняка известны в народе.

Человека ведь могут оценивать как отдельную личность – частицу общества, так и как само общество. Если на твоём творческом вечере яблоку негде упасть, значит, ты в какой-то степени достоин внимания общества. А нападки

Р. Валеев Р. Мустафин, А. Мушинский, В. Юнус у пирамиды Солнца под Мехико во время Всемирного конгресса писателей. 1996

пары-тройки критиканов, мучающихся в поиске своего места в жизни, и рассуждения нескольких журналистов... Это же не столько ради того, чтобы критиковать меня, а в первую очередь, чтобы показать себя. Эти люди, помимо того, чтобы ругать кого-то, что-нибудь сделали для нации? Склонять легко. А ты прояви себя в благородном деле!

– Насколько помню, журналистам этим вы не отвечали.

– Нет, не отвечал. Опускаться до такого не собирался. Потом спрашивали по поводу моего отказа голосовать. Я им частично сказал то, что говорил вам сейчас. Но я ни в коем случае не намерен оправдываться, потому что виноватым себя не считаю. Правда, иногда приходит мысль, что, может, надо было бросить всё и уйти. Но вспоминаю, что говорил Туфан-ага: «Ну и что с того? Ты же потом не сможешь подниматься на трибуну и больше ничего не сможешь высказать. У тебя не будет такой возможности».

Почему Ркаил Зайдуллин, Рамиль Тухватуллин стремились туда? Как поэту и артисту им это не нужно. Это им нужно как патриотам своего народа – выступать в защиту интересов татар. Сегодня наши книги издаются тиражами всего в 1 000 экземпляров. Таким количеством книг донести свои мысли до семи- десятимиллионного татарского народа невозможно. Особенно до руководства. Из чиновников, вообще, редко кто читает татарские книги, газеты и журналы. Во-вторых, это и до народа не доходит, как уже говорил, тиражи маленькие. А с трибуны Госсовета можно многие актуальные вопросы донести до широкой аудитории.

– Вы уходили с чувством, что всё надоело? Или всё-таки думали о возможности остаться?

– Наверняка была возможность остаться. Я уже давно, ещё на предыдущих выборах пытался уйти, но единомышленники сказали: «Ты должен выдвинуться». Потому что и в вопросе языка, и в других вопросах многое надо было решать, нужны были люди, которые знают порядок работы парламента, люди с опытом. В этот раз я и сам не особо рвался, и в определённых кругах, видимо, не хотели, чтобы я прошёл в парламент. В последние годы в национальном вопросе был сильный откат, если кто-то выступал в защиту нации, то получал отлуп. Депутаты, кто до этого поднимал национальные вопросы, говорил в защиту национальной школы, родного языка, были отстранены от парламента.

Из федерального закона об образовании термин «национальная школа» был полностью удалён – теперь в России нет национальных школ. Наш

Национально-культурный центр нынче тоже упразднён. Остались только Национальный музей и Национальная библиотека, и я переживаю, не настал ли и их черёд. В Москве ввели понятие «Национальный проект». Он не переводится на татарский язык как «милли», здесь слово «национальный» имеет значение «государственный» или «федеральный».

В многонациональной стране так не должно быть. Во Франции, Англии в основном одна национальность, там слово «национальный» означает «государственный», если это Национальный музей, то значит – Государственный музей. А у нас не так просто, потому что мы многонациональная страна. Если говорим о национальной культуре, национальном искусстве, то это имеет уже этнический характер. Поэтому слово «национальный» теперь в нашем многонациональном государстве нивелируется.

– Сейчас у нас два депутата, которые, скажем так, курируют национальную тему в парламенте – Ркаил Зайдуллин и Рамиль Тухватуллин. Вы делитесь с ними своим опытом, даёте какие-то советы? Или у них свой путь, своя позиция?

– Постоянно с ними общаемся – и очно, и по телефону. В последнее время детально разбирались в некоторых законах. Уже после того, как Ркаил был избран депутатом, мы – Фандас Сафиуллин, я… за чашкой чая долго беседовали с ним о депутатской деятельности. Мне кажется, эти два молодых депутата в какой-то степени прислушиваются к нашему мнению.

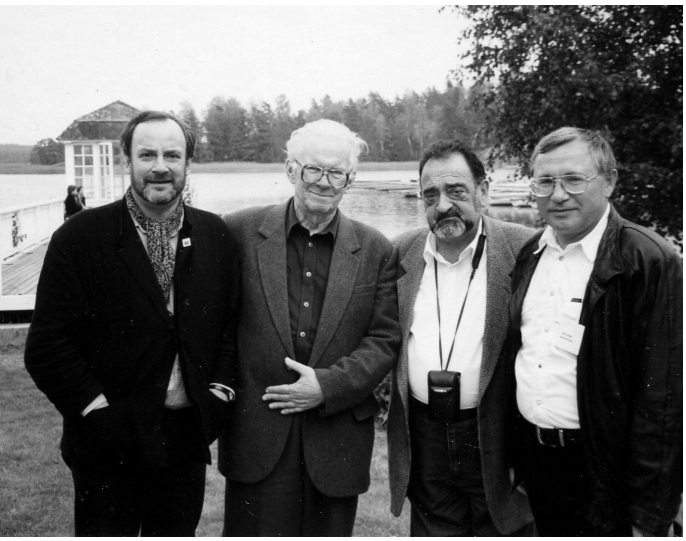
Конечно, они не могут думать полностью, как мы, у них своя голова, своя позиция. Можно громко высказаться с трибуны парламента, эмоции выразить, однако если ко всему этому будут приложены ещё и весомые аргументы, то гораздо продуктивнее будет. Недостаточно выступить лишь как артист или поэт. Депутатский опыт приходит с годами. Что значит быть депутатом, я начал понимать лишь после пяти лет работы. Для этого надо знать много законов, ознакомиться с деятельностью парламентов стран мира. У них время ещё есть, хотелось бы, чтобы они были депутатами не только одного созыва.

– Что в политической, что в писательской жизни бытует такое явление, как интрига – у вас есть рецепт, как выйти из такой ситуации без ущерба для репутации?

– Не знаю, что и сказать. О наших писателях не хочется говорить что-то критическое, разные ситуации бывают, трудно всё обобщить. Я могу говорить только о себе. Писатель ведь больше пишет о своём, потому что человек, которого он знает лучше всех – это он сам. Поэтому я сегодня больше говорю о себе. У писателей имеется одно отрицательное качество: вместо того, чтобы поддерживать друг друга, мы, в большей мере, выискиваем недостатки в творчестве и поступках коллег.

– Разве это только среди писателей происходит?

– Видимо, это повсюду так. Когда работал в Госсовете председателем комитета, некоторые наши писатели, особенно одна писательница просто набрасывалась на меня: надо сделать так, сделать эдак, выступать на «Дне памяти» и так далее. Хорошо, я ушёл, на моё место пришли другие... И о них – ни слова! Значит, требовали они всё это от меня не как от депутата, председателя комитета, и совсем не забота о нации была в их мыслях... Стало быть, придирались ко мне из личной неприязни, из-за каких-то своих предубеждений. Если бы я тогда бездействовал, просто сидел истуканом на своём месте, может быть, и критики в мой адрес не было бы. Вот это меня несколько раздражает. Кто нас в то время критиковал, сегодня просто молчит. Будто проблем совсем не осталось, все они решены...



Ю. Маллинен, В. Быков, К. Шерман, Р. Валеев. Хельсинки, 1998

– Вы с ними не вступали в спор, не пытались переубеждать?

– Бороться не имеет смысла. Они же не слушают. Мой наставник в политике Фандас-ага Сафиуллин был вот человеком мудрым: умел и мысль свою доходчиво высказать, и выслушать. Но, к сожалению, такие люди встречаются редко. Мы ведь не воспринимаем чужого мнения, всё время сами говорим, говорим... Будто у нас ушей нет совсем, есть только язык... Чужое мнение для нас ничего не значит, есть оно или нет – всё равно. И на собраниях писателей нередко так бывает – выступит писатель и уходит, мнение других его не интересует. Он высказался – и этого достаточно.

– Что делать, чтобы не стать жертвой интриги?

– Не поддаваться и не вступать в спор с кем попало. Интриг в своё время видел много. И до депутатской стези это было. Старался никогда не отвечать на подлость. Мой наставник в литературном институте Лев Ошанин однажды так сказал: «Не держи зла на тех, кто делает тебе подлость! Зло будет съедать тебя изнутри, сам пострадаешь. Забудь ты их». Лучший способ избежать интриг – работать и работать! Пусть они болтают, а ты работай!

– Этот совет применяли в жизни?

– Старался придерживаться его. Стопроцентно не получалось, но старался. А ваши вопросы все о депутатской стороне моей жизни... Я теперь живу в другом мире, в другом кругу и с другими мыслями.

– Но тридцать лет – это половина жизни.

– Да, наверное, я там немного задержался... Этот период я бы назвал как годы, прошедшие в просьбах и сожалениях.

«Только пока не понимаю, как это всё перенести на бумагу»

– Много у вас «скелетов в шкафу»? Того, чего мы не знаем. Чего-то личного, не для публичного обсуждения...

– Я в целом не люблю особо раскрываться, оголять душу. Секретов, которые храню в себе, довольно много. Возможно, когда-нибудь опишу их. Висят они на кончике пера.

– Время для них ещё не настало или аудитория не созрела?

– Я думаю о том, как воспримут написанное мной. Например, о годах войны в Афганистане. Я ведь в 1985 году был в Афганистане, но ещё не писал о том, что там увидел и испытал. Начинал писать в виде небольшой документальной повести, на сто страниц, даже сдал в Татарское книжное издательство, но рукопись с помощью Главлита ушла в небытие. Потому что в то время, когда

шла война, такое открытое описание тех событий было недопустимо.

– Рукописей не осталось, но хотя бы в памяти они сохранились?

– Да, конечно. Есть ещё дневник, где записаны ключевые мысли и моменты жизни. Надо как-то найти время и описать, что видел там. О жизни парламента тоже имеется что сказать. Среди наших писателей нет такого же человека, кто тридцать лет варился бы в той среде. Много чего знаю, только пока не понимаю, как это всё перенести на бумагу.

– Всё записывали в свои дневники?

– Не всё. Время от времени... Есть стенограммы сессий, проходивших в 90-х годах. Вот теперь ночами не сплю, думаю обо всём этом. Писать начал, но пока чувства удовлетворения не испытал.

– Если эти ваши дневники попадут в чужие руки, например, в мои, это опасно для вас?

– Нет, не опасно, потому что в них только я сам могу разобраться. У меня с тех времён около тысячи фотографий. Они тоже как дневник – смотрю и вспоминаю. Когда в Москве готовили Договор о разграничении полномочий, я был членом комиссии со стороны Татарстана. Какие там были столкновения, стычки!.. Всё это ещё полностью не описано. Фандас-ага Сафиуллин частично изложил это на бумаге, писали Индус Тагиров, Рафаэль Хакимов. Но и у них не всё охвачено.

– Вы аккуратный человек в плане ведения документов, бумаг? Архив ваш в порядке?

– Возможно, не настолько упорядочен, как у некоторых чиновников – не разложен по ящичкам. Но я хорошо знаю, что и где у меня находится. В Госсовете в кабинете у меня стоял большой стол, там сотни бумаг лежали в беспорядке, но я просил и сотрудников, и уборщицу не трогать на столе ничего. При кажущемся хаосе у меня есть свой порядок. Вёл список предстоящих дел и вычёркивал сделанное – в парламенте без этого никак. А в творчестве подобного порядка быть не может.

– Разиль-абый, наш разговор всё равно возвращается к парламенту. Когда ушли из Госсовета, почувствовали себя свободным? Была ли у вас мысль: «Теперь могу делать, что хочу»?

– Полгода или год я ходил как в полусне, не мог понять, что делать дальше. Ко мне продолжали обращаться люди, писали письма, звонили... Потому что думали, что я всё ещё депутат, даже сейчас иногда спрашивают: «А разве вы не депутат?»

Первым делом перестал носить галстук. Он так меня душил, оказывается. Завязывать галстук учился долго. Когда вступил в пионеры, мой дедушка сказал мне: «Да сними ты это, ты же не телёнок в ошейнике ходить». Он был человеком свободно мыслящим, в колхоз так и не вступил и сам заработал всё своё имущество.

Конечно, поначалу было сложновато. Утром просыпаюсь, бреюсь, надеваю рубашку, пиджак... Только когда жена скажет: «Ты что делаешь?», вспоминаю, что на работу идти не надо. Оказывается, уже в автомат превратился.

Потихоньку привык, нынешняя жизнь мне нравится. Не скажу, что парламентская не нравилась. Она дисциплинировала, научила ценить время. А сейчас можно и не торопиться, и коечто откладывать на потом – никто особо страдать от этого не будет.

– Перед выборами в Союзе писателей очень активно обсуждалась вероятность вашего занятия кресла председателя данной творческой организации. Это было продиктовано в

том числе и вашим желанием или просто кто-то хотел вас видеть в этой должности?

– Ко мне приходили писатели – и молодые члены союза, и старшее поколение… Говорили: «Хотим, чтобы ты возглавил Союз писателей. В своё время же успешно проявил себя в челнинском отделении СП, имеешь опыт парламентской работы, умеешь договариваться с руководством и добиваться своего, было бы хорошо, если согласишься».

Я отказался: «И так уже очень много времени потратил на административную работу, хочу жить свободно, чтобы не выкраивать время для работы за письменным столом». Предложил выбрать кого-нибудь помоложе. Я вообще не собирался туда идти. Если бы пораньше, когда мне было лет 40–50, возможно, и пошёл бы. А сегодня у меня собралось много незавершённых дел. Хочу вот потихоньку закончить их, привести в надлежащий вид.

– Но когда позвали на канал ТНВ, согласились. Значит, занимаетесь ныне не только творчеством.

– Всё-таки на целый год я с головой ушёл в творчество.

– А мы уже были в предвкушении ваших новых творений.

Действительно, всей своей сущностью хотел этого. Нигде не собирался больше работать. Пенсия у меня есть, каких-то больших потребностей уже не имею – жить есть где, дети уже взрослые. И вот когда только собрался жить настоящей жизнью писателя, меня позвали и сказали: «Ты тридцать лет в Госсовете защищал татарский язык, старался сохранить его, учил нас работать, теперь покажи, как надо это делать». Вот так поддели меня, они это умеют...

Наши выдающиеся писатели – Галимджан Ибрагимов, Муса Джалиль разве не работали на каких-то должностях – работали и писали. Посмотрите на того же Туфана Миннуллина! Стало быть, если у тебя есть талант, можно и работать, и писать. Мне сказали: «Приходи на ТНВ, сегодня там полно проблем в вопросе языка. По мере возможности постарайся, чтобы язык радио и телевидения стал по-настоящему литературным татарским языком, помоги сделать содержание национальных передач богаче, повысить их качество». И пояснили: «Сколько сможешь, столько и проработаешь, не говорим, чтобы всю жизнь трудился там». Я думал-думал, и согласился. Потому что это же не работа чиновника, я здесь просто советник. Никому ничего не приказываю, каких-то конкретных требований по работе не выставляю, никого увольнять или брать на работу тоже не моя компетенция. Я только советую.

– И прислушиваются к вашим советам?

– В основном да. Работу начали с «Шаян-ТВ» – проанализировали язык, содержание каждой передачи, каждого мультфильма. Поражаюсь, насколько талантливы там дети и как предан своей работе творческий коллектив. «Шаян-ТВ» очень глубоко проник в моё сердце. На телевидении нужны все передачи, но самые важные – это детские. Потому что взрослых мы уже не можем изменить, пусть живут так, как получилось. Мы можем лишь заложить в них какие-то новые мысли. А детей ещё можем развернуть в свою сторону – сторону нашей нации. Слушаю «Болгар радиосы», анализирую язык, содержание. Каждый понедельник у нас планёрка с руководителями канала и сотрудниками. Недавно делали такой же масштабный анализ программам канала ТНВ. Там пока очень много того, что можно исправить, изменить.

– Чувствуете свою ответственность и за низкопробную попсу, которая звучит по радио?

Р. Валеев, Т. Миннуллин на презентации очередного выпуска «Казанского альманаха». 2007

– Много песен совершенно бессодержательных. Не только на радио, телевидении, а везде. Но их одним махом не изменишь. Некоторые представители искусства мне говорят: «Не судите так строго, зато они поют на татарском». Может, и поют на татарском, но на каком татарском, какой смысл они вкладывают в то, что поют?

– Совсем лёгкую позицию для себя избрали – просто советник. Советы ваши могут вполне игнорироваться.

– А что вы предлагаете? Да, я советник, у меня полномочия такие. Хороший совет он иногда имеет больше эффекта, чем приказ. Не могу сказать, что эти проблемы не решаются. Некоторые песни по моему предложению убирали с конкурсов.

– А исполнители не обижались на вас за это?

– Пока никто не звонил. О необходимости вводить художественные советы говорили уже много, однако по закону цензура не должна применяться. Но возможно же не допускать такие песни в эфир по предложению худсовета. Здесь, видимо, есть ещё и финансовая сторона вопроса, потому что песни дают на ротацию, за это уплачиваются деньги. Но, даже учитывая всё это, требования к контенту должны быть повышены.

Раньше ведь песни тоже были разные. Но в те времена был очень сильный национальный дух, а сейчас ситуация в корне изменилась. Хотелось бы, чтобы на публику выносились самые-самые, лишь очень качественные наши песни.

На ТНВ мы начали с простого. Сегодня самая просматриваемая передача на ТВ – это прогноз погоды. И даже там мы видим множество неточностей. Например, ведущий говорит: «Иртәгә болытсыз аяз һава булачак», что при дословном переводе будет звучать так: «Завтра будет безоблачный ясный воздух». Татары не говорят так, должно быть «көн аяз булачак» («будет ясный, то есть, безоблачный день»). Это очень просто, это лежит буквально на поверхности, но мы нарушаем конструкцию языка, меняем значение, которое не-

сёт эта фраза. У нас даже некоторые журналисты, поэты, при достаточно хорошем знании языка, не чувствуют элементарного.

– А может, надо смириться, есть ощущение, что всё это уже сложно исправить...

– Если смиримся, то язык наш мы постепенно потеряем. Необходимо постоянно напоминать, указывать на ошибки. Наши подзабытые слова надо помаленьку возвращать. В советское время никто не говорил «мәдәният министрлыгы», говорили «культура министрлыгы». Поначалу для нашего уха звучало непривычно, а сейчас привыкли. Раньше был «Таткнигоиздат», а сейчас «Татарстан китап нәшрияты» – тоже привыкли.

Союз писателей – остров самостоятельности

– Ваши внуки говорят по-татарски?

– Говорят. Не могу сказать, что знают в совершенстве, такого правильного родного языка мы даже от журналистов не можем требовать. Скажем так, говорят на современном татарском языке.

– Продолжая тему Союза писателей, совсем недавно в Казани побывали представители Союза писателей России, они хотят наш союз взять под своё крыло. Но татарские писатели с этим не согласны – они за равноправные отношения. Вы как человек, состоявший когда-то в Союзе писателей СССР, что думаете по этому поводу?

Я был не просто членом Союза писателей СССР, но и членом его правления. Тогда, действительно, был какой-то смысл в него вступать. Мы через союзы писателей СССР и РСФСР ездили в дома творчества для писателей, нас приглашали на разные мероприятия, в Москве издавались наши книги. Был Литфонд – оказывалась материальная помощь писателям. А сегодня татарстанский союз от вступления в российский практически ничего не выигрывает.

У татар есть поговорка «Бергә булыйк – аерым торыйк» («Быть вместе, но жить раздельно»), надо идти по этому принципу. Давайте общаться, пусть они к нам приезжают, а мы к ним будем ездить, но пусть мы сохраним свою самостоятельность. Наша самостоятельность и так уже день за днём сужается – в республике, пожалуй, из суверенных организаций остаётся лишь Союз писателей. Если и писатели потеряют свою независимость, что же вообще у нас останется?

– Разиль-абый, в своё время вы были одним из тех, кто добился учреждения татарского молодёжного журнала. Как вы думаете, сейчас, когда молодое поколение всё больше предпочитает электронные формы получения информации, есть ли будущее у журнала «Идел»? Как профессиональный советник, можете дать свой совет?

– У меня нет никакого сомнения, что журнал «Идел» будет востребован. В своё время мы приложили большие усилия, чтобы он был создан. Из-за этого меня чуть не исключили из Литературного института. А что касается формата и содержания журнала, то он полностью соответствует современным реалиям – какой у нас уровень мышления, какая у нас литература, такой и журнал. Он может давать читателям только то, что напишут писатели и журналисты.

Но я и современный «Идел», и остальные журналы хотел бы видеть немного другими. Хотя мы говорим, что живём в демократической стране, но смелости в нас всё меньше и меньше. Это, видимо, связано с ситуацией в обществе в целом. Писатель это очень тонко чувствует, а журналист тем бо-

лее. Я член редколлегии журнала, я знаю, как там обстоят дела. В журналистике есть дух современности, но я бы не сказал, что в литературных произведениях есть веяние современного мира. Поэзия чувствует себя ещё довольно свободно, а проза заметно присмирела, поизмельчала.

Творчество – это ведь отражение свободы человеческого духа. Насколько твой дух свободен, настолько и творчество ярко. В поэзии у нас особо сильны поэтессы – Гелюса Батталова, Лилия Гибадуллина… Я даже удивляюсь, почему так. То ли в матриархат переходим... Женщины сильнее и смелее. А парней у нас единицы. В поэзии Рузаль Мухаметшин, в прозе Рустам Галиуллин. Но всё равно девушек больше.

– Раз подошли к прозе, спрошу у вас: имеют ли наши писатели право, через свои каналы получив выход на зарубежную аудиторию, представлять своё творчество как пример татарской литературы? Мы должны радоваться этому или всё-таки беспокоиться за качество данного материала? Вопрос связан с выходом во Франции антологии современной татарской прозы.

– Если произведение талантливо, я это поддерживаю и неважно, какими путями это было издано.

– Каждому писателю своё кажется талантливым.

– Так-то оно так. Мне кажется, было бы правильнее, если б такие издания проходили через Союз писателей. По инициативе Союза писателей РТ и при поддержке Президента Татарстана Рустама Минниханова создан Центр литературного перевода. Если мы в полном смысле хотим предложить миру нашу национальную литературу, то эти произведения должны проходить через этот центр. Видимо, когда выходила эта антология, центра ещё не было, это была самодеятельность.

Я французским владею не очень хорошо, поэтому не могу сказать, какие там вышли произведения и как они переведены. Но если мы переводим и выпускаем на других языках не совсем совершенные произведения, то это, конечно, не в пользу нашей литературы. Мы должны выпускать на стороне только такие вещи, которые не будут служить понижению авторитета нашей нации. А почему же мы не переводим Амирхана Еники? Его можно издать на мировом уровне. Надо выпускать стихи Дердменда, Тукая…

– Вас много переводили?

– Были переводы, выпускались. Моё стихотворение «Шагыйрь» («Поэт»), в котором есть строчки «Йә дөньяны үзгәртәм мин бүген, йә, булмаса, үзем үзгәрәм» («Или мир я изменю сегодня, // Или сам сегодня изменюсь», было переведено на 53 языка мира – мы это выяснили через данные ПЕН-клуба и Национальной библиотеки. К моему юбилею издали книгу из этого единственного стихотворения со всеми переводами. Это была уникальное издание.

– Вы являетесь президентом Татарского ПЕН-центра. Как он поживает сегодня?

У Международного ПЕН-клуба работает в Татарстане свой самостоятельный центр. В ноябре прошлого года Татарскому ПЕН-центру исполнилось 25 лет со дня вхождения его в международную семью писателей. Нас принимали в 1996 году в городе Гвадалахара (Мексика). ПЕН-клуб каждый год проводит в каком-нибудь городе мира свой международный писательский форум. Один из них проходил в дни 100-летия Мусы Джалиля в Берлине, там участвовала и канцлер Ангела Меркель. Туфан-ага Миннуллин выступил на этом форуме, рассказал о Мусе Джалиле. Писатели из 147 стран мира стоя почтили память джалиловцев, представительной делегацией посетили тюрьму

Плётцензее, где они были казнены, возложили цветы.

– Получается, ПЕН-клуб это некая элитарная писательская организация? По какому принципу принимают в члены?

– В уставе сказано, что в клуб принимаются «признанные в народе писатели». Нашим первым президентом был Туфан-ага Миннуллин, после него вот меня избрали. У истоков организации стояли Амирхан Еники, Нурихан Фаттах, Миргазиян Юнус, Ильдар Юзеев, Миркасым Усманов, Рафаэль Мустафин…Да, кто-то с возрастом уходит, кем-то мы пополняемся. Иногда спрашивают: чем занимается ПЕН-центр? Его главная задача – представлять татарскую литературу на мировой арене. Выпускаем народную, классическую и историческую литературу на татарском, русском, английском, турецком языках и распространяем по миру. Участвуем во Всемирных конгрессах писателей и другой международной работе.

– За чей счёт выпускаете книги?

– Находим спонсоров. Помощь оказывает и государство. Как и Союз писателей Татарстана, мы зарегистрированы в Минюсте. Какие права у СП, такие и у нас.

– Насколько я знаю, Рамис Аймет тоже является членом ПЕН-клуба. Вас не беспокоит то, что талантливый поэт и опытный организатор вот так ходит без работы?

– Беспокоит. В Союзе писателей Рамис показал себя неплохо. Знает порядок работы, талантливый поэт… Он активно участвовал в проекте ПЕН-центра по выпуску буклета, посвящённого Всероссийской переписи населения, был его составителем…

Ещё об одном крупном проекте не могу умолчать, который, как мне кажется, не получает заслуженного внимания. Более 30 лет у нас продуктивно работает фонд «Җыен» («Сход»). Во главе этого начинания стоял режиссёр Дамир Сиразиев – вместе с ним начинали, устав вместе писали. Потом привлекли Туфана Миннуллина, Миркасыма Усманова. По инициативе Миркасыма Усманова стали выпускать серию «Шәхесләребез» («Наши личности») о выдающихся людях татарского народа. Есть исторические личности, есть современники, которые не дают пасть духом татарскому народу, высоко держат его планку. В данной серии издано уже более семи десятков книг. Они очень популярны. На это мы у государства не берём ни копейки. Совсем недавно вот вышла книга о Бурхане Шахиди, на татарском и русском языках. Он был заместителем Мао Цзэдуна. Это самая высокая должность, которой достигали представители татарского народа за рубежом.

– Эти книги поступают в продажу?

– Мы распространяем их по школам и библиотекам.

– Обычно то, что досталось бесплатно, люди не ценят.

– Согласен. Но это благотворительный фонд, мы не должны заниматься коммерцией. Мы печатаем свои книги в Таткнигиздате, а издательство может выпускать дополнительные тиражи на продажу. Пусть выпускают и продают! Если бы у нас были средства, мы тоже увеличили бы свои тиражи, потому что люди интересуются, просят.

– О ком будет очередная книга?

– Совсем недавно вышел сборник о жизни и творчестве Маджита Гафури. Наше духовное наследие пытаются разобрать по кусочкам. Гафури уже почти полностью присвоили башкиры, сделали башкирским писателем. Тот, кто прочитает эту книгу, убедится, что

он стопроцентно был татарином – и по творчеству, и происхождению, и по своему мышлению.

Сдаём в типографию книгу о Мусе Джалиле. У нас принцип – стараемся дать не опубликованные до этого документы. Ищем в архивах, музеях, библиотеках, личных фондах. Большинство изданных в наших книгах документов публикуются впервые. Выпустили двухтомник Тукая – там 75 процентов нигде не опубликованные или ранее изданные в сокращённом виде воспоминания. Идёт работа по наследию Наки Исанбета – раньше мы работали с Юлдуз Исамбет, а теперь – с литературоведом Милеушой Хабутдиновой.

– То есть после скандала с очерняющим имя писателя произведением было решено популяризовать его?

– Книга о нём и без того должна была выйти. Мы идём по заранее утверждённому списку. Его мы составили ещё в самом начале пути. Каждый из нас – Туфан Миннуллин, Миркасым Усманов и я – составили свои списки. В итоге у нас получилось более 500 имён выдающихся личностей. Тогда Миркасым-абый сказал, что никто из нас при жизни не успеет издать весь этот список. Пришлось сократить, сначала до трёхсот, потом уже и до ста человек.

Что интересно, мы заранее договорились, что издавать будем книги только о тех, кого уже нет в живых. Был такой забавный случай: один наш довольно известный и уважаемый деятель обратился к нам. Перечислил свои заслуги и говорит: «Жить мне осталось уже немного, не могли бы издать книгу обо мне». А мы ему: «Согласны… Но у нас принцип: издаём только о тех, кого уже нет с нами. И если вы готовы ради книги...» Он понял и от души посмеялся.

– Продолжая этот чёрный юмор… Сейчас ведь в ходу шутка: для тех, кто не успел умереть, уже, мол, не осталось места на татарском кладбище Новой слободы, где покоится Тукай…

– Я тоже говорю: раз нет на том кладбище места, не стоит нам умирать.

«Я ведь не ангел, самый обычный человек»

– Разиль-абый, что такое, по-вашему, грех и *савап* (благодеяние, добрый поступок. – *Ред.*)?

– Грех – это широкое понятие, и люди по-разному его трактуют. Есть поступки, порицаемые в Коране – это уже, скажем так, задокументированные грехи. Наверняка много и таких, которые не упомянуты в Священной Книге, потому что времена меняются. Если сказать коротко, мне кажется, самый большой грех – нанесение ущерба, вреда человеку и человечеству.

– Это ведь не одно и то же.

– Но они связаны между собой, только масштабы разные. Человечество состоит из отдельных людей. Вред, нанесённый человечеству, бьёт и по отдельному человеку. А зло в отношении человека потом сказывается и на всём человечестве. Если мы проявлениями прогресса вредим всему человечеству – это один из самых больших грехов.

А *савап* – это добро, что-то полезное для человечества и людей. Делать добро человеку – через воспитание, с материальной стороны, духовной или посредством творчества.

– Когда вы закладываете такое глобальное значение, мне даже как-то неудобно спрашивать, есть ли у вас какие-то согрешения. Я не имею ввиду что-то глобальное, но всё же хочется спросить, совершали ли вы что-то, что сами считаете греховным?

– Наверняка... По молодости, наверное, что-то такое и было. Об этом

знаю только я сам, и я временами задумываюсь об этом.

– Что там придётся отвечать за эти грехи?

– О том, что будет там, стараюсь особо не думать, надо думать о нынешнем. Приходят мысли, почему я тогда так поступил. А тогда, значит, был уверен, что так будет правильно. Но с годами иногда начинает казаться, что, возможно, не надо было так поступать, что это было ошибкой.

– Своими поступками вы навредили людям? Или себе?

– В какой-то степени и людям, и себе, наверное.

– Приходилось ли вам как-то пытаться искупить вину, попросить прощения?

– Не считаю, что нанёс кому-то катастрофический вред, быть может, кого-то просто обидел... Приходилось объясняться, делать что-то хорошее… Специально, чтобы искупить свой грех. Даже не грех, на самом деле, – ошибки молодости.

– А есть ещё не искуплённые грехи?

– Может быть... Я ведь не ангел, самый обычный человек...

«Я рос в обстановке, где сталкивались две точки зрения»

– Вы сказали, что в тяжёлые моменты идёте к близким, общаетесь, отводите душу. Поэт Радиф Гаташ – ваш родственник, приходится вам свояком, общаетесь с ним? Вы просто коллеги по писательскому цеху или ещё и единомышленники?

– Вот даже во время интервью он мне звонил... Именно Радиф Гаташ открыл для меня литературную Казань. На тот момент мы ещё не были свояками. Значит, ещё до того, как стали родственниками, мы были друзьями, а может быть, свояками стали именно поэтому – сначала я женился, потом – он.

Радифа Гаташа я считаю своим наставником в литературе, у него многому можно научиться. Потому что настолько хорошо знает и мировую литературу, и татарскую, и историю татар. Если нужна цитата из Тукая или Дэрдменда, я даже в книгу не заглядываю – Радиф мне приводит её слово в слово, вплоть до запятых. У кого ещё такая память!

– Если ваши мнения по поводу какой-либо ситуации или отдельной личности разойдутся, что вы делаете – спорите или не касаетесь этой темы?

– Во многом наши мнения совпадают. Если нет – то каждый остаётся при своём мнении.

– Но вы ведь очень разные – Радиф-абый представляется в образе поэта-романтика, а вы, кажетесь человеком, крепко стоящим на земле. Или это просто образы? Какова реальность?

– У нас воспитание разное. Радиф рос в чисто татарском селе в Башкортостане наполовину сиротой, он, скажем так, – предоставленное самому себе дитя степи. А я рос в татарской деревне в Татарстане. Отец моей мамы был признан кулаком, потому что имел водяную мельницу и зерносушилку. От ссылки его отстояли жители села, потому что, кроме него, на мельнице никто не смог бы работать. Наш дед всю жизнь оставался единоличником, в колхоз не вступал и детей своих не пустил. «Этот режим всё равно когда-нибудь сгинет», – говорил он, потому что был уверен, что когда всё общее, и нет хозяина, отвечать некому. Ему не давали землю, не позволяли сажать картошку,

домашний скот запрещали пасти, и в лес нельзя ему было ходить… Но старик был упрямый, в колхоз всё равно не пошёл.

Что интересно – председателем того колхоза был мой папа. Это был один из самых знаменитых хозяйств в республике, папу награждали орденом Красного Знамени. Мама религиозная – намаз читает, а папа – красный коммунист. Папа с мамой всегда спорили. Мама рассказывала жизненную философию дедушки, и она казалась мне верной, папа говорил, что будет коммунизм – и это мне казалось убедительным. Я рос в обстановке, когда сталкивались две точки зрения, и я воспринимал обе их. Видимо, уже тогда начала складываться у меня мысль, что мир весьма неоднороден.

Отец был очень дисциплинированным. Опоздаешь куда-нибудь на пять минут – ты уже не человек, обещал – выполняй! Никогда не обманывай! Слишком правильный был, истинный коммунист. Мама ему говорила: «Исмагил, когда поедешь домой, положи в свой тарантас хоть охапку сена». А он отвечал: «Тахира, если я, председатель, привезу охапку сена, колхозники на моём примере начнут красть стогами». Как-то братишка привёз замёрзшую в поле под снегом свёклу. Отец увидел и заставил отвезти обратно.

– Ваше отношение к религии?

– Оно никогда не было негативным. Хоть я и не совершаю пятикратно намаз... В конце восьмидесятых, когда я был директором Национальной библиотеки, книги хранить было негде и нам дали здание мечети на Сенном базаре. Чтобы не навредить духу мечети, мы туда привезли только старинные книги на арабской графике. Там же открыли курсы по изучению арабской письменности.

Государство выделило деньги на ремонт. Я подумал и решил, что надо воссоздать минарет мечети. Подошёл к заместителю председателя правительства Мансуру Хасанову: «Раз уж делаем ремонт, так ведь и минарет следовало бы восстановить». Посовещались, подготовили документы, «Смету проектной документации на реставрацию мечети ”Печән базары” (“Сенного базара”) с восстановлением архитектурной части». На схеме это был минарет, а в тексте проекта – архитектурная часть. Вот так в 1989 году в Казани был воссоздан первый минарет.

В моём родном селе Ташлык в своё время мечеть была построена моим дедом – отцом мамы. Когда у меня вышла книга «Яшен тамыры» и получил за неё гонорар, я привёз двух реставраторов из Казани, и минарет этой мечети отремонтировали, установили полумесяц. Вот когда-то и такими вещами занимался.

– Значит, благие дела за вами числятся.

– Жители села были очень рады. Но нашлись и доносчики. Кто-то написал: «А достоин ли работать в журнале «Ялкын», воспитывающем детей, человек, который ставит полумесяц на минарете?». Но тогда уже было начало демократических перемен, поэтому особо не тронули.

– А ведь такие доносы могли и судьбу поломать. Часто приходилось встречаться в жизни с жалобами в свой адрес?

– Таких доносов в годы работы в Союзе писателей и Госсовете видел много. Это настолько грязное дело, когда один доносит на другого! Называть их интеллигенцией язык не поворачивается – не достойны так называться. Из школ, творческих объединений, театров – от тех, кто умеет ловко писать, доносов приходило много, а вот от деревенского люда редко получал. Особенно на всякого рода руководителей писали.

– Анонимно?

– Большинство – да. Девяносто девять процентов. В Интернете ведь тоже так. Вроде бы на анонимки не стоит обращать внимания. Но… После нашей этой беседы доброхотов также найдётся. Мастеров кидать из-за кустов камни у нас немало.

– Но в таких письмах отчасти могла быть и правда?

– Само слово «донос» – низменное, ведь такие письма обычно не подписаны. Сколько времени уходит впустую, разбирая их. Кто пишет письма в поисках справедливости, как правило, ставят свои настоящие имена.

Однажды к нам в Госсовет начал заходить человек, который вроде бы из пишущих – журналист, не журналист – не поймёшь. Заходит и начинает нас с Туфаном Абдулловичем вовлекать в какие-то сторонние проблемы. И тут на нас приходит донос в обком, в ЦК… По почерку определили, что это был как раз тот самый человек. И вот както мы вернулись к себе после разговора об этом с Фаридом Хайрулловичем, появляется у меня на пороге кабинета этот человек собственной персоной. Говорит: «К тебе у меня большое дело». Я взял его под руку, вывел к туалету и говорю: «Дядя, по большому делу в другой раз иди сразу вот сюда, а в нашу комнату больше ни ногой!» Больше у нас он не показывался, всё понял.

«Поливая грязью человека, проблему не решишь»

– Вы говорите, что хотели бы полностью отдаться творчеству – удаётся хотя бы строчку в день написать?

– Обязательно. Ночью могу встать и записать мысль. Если ничего не пишу, настроение очень плохое! Когда день прошёл, и ничего не написал – это бездарно прожитое время.

– В прошлом году к 100-летию республики деятелям искусства давали гранты. Вы тоже получили. Написали что-нибудь?

– Написал и сдал. Это теперь имущество министерства культуры. Не срывать сроки – привычка со времён работы в Госсовете. Я написал пьесу о путешествии Ибн Фадлана в Булгар в 922 году. Было предложение сыграть её на «Изге Болгар җыены» («Священном булгарском сборе») под открытом небом, но из-за *COVID-19* это не удалось осуществить.

Что касается творчества, больше всего меня беспокоит, что писатели не читают друг друга. Мы говорим, что люди мало читают, я не виню людей, время такое, динамичное, беспокойное. А из более чем 300 членов Союза писателей сколько, интересно, читают «Казан утлары» и «Идел»? Всё норовим найти какие-то недостатки друг в друге, сделать подножку кому-то. А писателю ведь хочется получить о себе объективную оценку. Недавно прочитал в «Мәдәни җомга» критический материал Газинура Мурата – точно, понятно написано. К сожалению, вот таких статей мало – чтобы не просто раскритиковать, а по-доброму помочь писателю – и недостатки свои увидеть, и дальнейший путь свой прояснить.

– А вы сами открыто высказываете своё мнение?

– Стараюсь, но если человек заведомо не понимающий, то могу и промолчать. Некоторые ведь просто обижаются, а мне не хочется обижать человека.

– А если спросят ваше мнение, ответите честно?

– Стараюсь высказаться так, чтобы не было обидно. Кто понимает, тот понимает, а если нет – то нет.

– Вы сами обижаетесь на жёстко высказанное мнение?

– Если сказано по делу, с добрым намерением, то не обижаюсь, готов благодарить. А когда оскорбительно, ради того только, чтобы поддеть, то кому это будет приятно?!

– Такое тоже бывает?

– Конечно! У нас вот национальное движение было сильным, и там были свои лидеры. Они сделали много доброго и хорошего. Если в республике мы в какой-то степени достигли успеха, то их вклад в это весьма большой. Но у них есть качество, которое не очень мне нравится, – они то и дело переходят на личности. Скажи по сути дела, так, чтобы было понятно, но зачем всячески оскорблять человека! Обозначь проблему, покажи пути решения её, но не набрасывайся на оппонента. Поливая грязью человека, проблему не решишь.

– Тридцать лет назад вас выдвигали в депутаты ради получения помощи Национальной библиотеке. Нынешняя Национальная библиотека – это библиотека вашей мечты?

– То, что библиотеке выделено большое, просторное, по-современному оборудованное здание – это большое достижение. За это мы боролись более 30 лет. Но я мечтал о совершенно новом, специализированном здании для библиотеки, думал, что всё будет несколько по-другому. Я бывал в Национальных библиотеках многих стран, изучал их работу, довольно хорошо знаю, что такое Национальная библиотека. Быть может, мои понятия устарели, и я отстал от времени, но, по моим убеждениям, библиотека – не дворец разнообразной и шумной культуры, не концертная площадка, она любит тишину и нуждается в ней.

– Бываете там?

– Я не считаю себя человеком, отстранившимся от Национальной библиотеки, пока ведь я ещё и председатель Попечительского совета библиотеки.

– С вами советуются?

– Библиотеке больше, чем советы, нужна материальная поддержка. Теперь уже трудно представить себе татарский мир как нечто целое. Сегодня татарскую нацию окончательно сформировавшейся, единой нацией назвать трудно, она состоит из отдельных островов. Наша республика тоже вряд ли является полноценной национальной республикой – ни Казань, ни Челны, ни Альметьевск или Зеленодольск нельзя назвать татарскими городами. В Казани есть татарские острова – остров Камаловского театра, Тинчуринского театра, острова Национальной библиотеки, Национального музея... К сожалению, сегодня мы не имеем таких широких возможностей, чтобы татары жили как единая, сплочённая нация.

– Как относитесь к тому, что «остров» Камаловского театра поменяет своё место расположения? Не ожидает ли его участь библиотеки?

– Есть такая тревога. А ещё и как член жюри по проекту нового здания, хорошо знаю историю строительства здания Камаловского театра. Нынешнее здание должно было также занимать участок, где сейчас парковка, но из-за нехватки средств оно так и не было построено. А кто мешает сегодня расширить здание и занять этот участок? Говорят, машины негде парковать. В прошлом году был в Женеве. Там под Женевским озером четырёхэтажная парковка. У нас озеро Кабан, в принципе, небольшое озеро, разве нельзя под ним её обустроить? Можно! Нужно просто желание! Я был и остаюсь сторонником такого варианта. Но с моим мнением, пожалуй, особо считаться не станут. Решение принято – театр будет на новом месте. Но хотелось

бы нынешнее здание тоже сохранить, в виде филиала театра.

– Вы с надеждой смотрите в будущее? Вы оптимист?

– Я пессимист, старающийся быть оптимистом. Очень хочется быть оптимистом. Думаю, что времена не навсегда останутся такими, как сейчас, изменятся – история свидетельствует об этом. Я возлагал большие надежды на поколение 90-х. У нас, воспитанных в советское время, сознание советское. Но даже с таким сознанием мы сумели высказаться за независимость и предприняли определённые шаги к этому. То, что мы сейчас имеем, – это благодаря нашему поколению. И всё же я продолжаю надеяться, что молодёжь, рождённая в девяностые, ещё проявит себя, выйдет на деятельную арену.

– Им ведь уже по тридцать. Где же они?

– У меня нет ответа на этот вопрос. Хватит ли у нас сил изменить национальную политику России, сделать наш родной язык обязательным предметом в школах? Пока не вижу поколения, обладающего достаточным духом патриотизма, политиков, способных взяться за эту исключительно тяжёлую работу. Воспитание национального духа зависит от школы и семьи. Национальной школы у нас уже нет, раньше мы в национальной школе в какой-то мере изучали историю татарского народа и Татарстана, татарскую литературу, предметы осваивали на родном языке. Я постоянно высказываю мысль: мы сейчас обеспокоены из-за того, что татарский язык в школах сведён всего к двум-трём урокам в неделю, его не должно быть так мало. Но ведь в то же время нет закона, запрещающего обучать предметы на татарском языке. Понятно, здесь уже подключается желание родителей, возможность сдачи ЕГЭ только на русском языке. А это уже глобальная проблема на общегосударственном уровне. Многое зависит от нашего национального самосознания. А чтобы было национальное самосознание, приходится возвращаться к национальной школе. Если и школа не будет его формировать, тогда кто?! У родителей ни знаний, ни возможностей для этого может не хватить. Поэтому работать нам предстоит ещё очень много и упорно.